

Павел Парфин

Новая погоня

Павел Парфин

Новая погоня

«Автор»

2014

Парфин П.

Новая погоня / П. Парфин — «Автор», 2014

Книга Павла Парфина "Новая погоня" – приключения трех криминальных Улиссов и одной немой Пенелопы. Герои книги-пьесы – три киллера и одна девушка. Все бандиты в свое время попали в разные переделки, после чего обрели удивительные способности. Один парень, набрав на мобильном телефоне какой-нибудь номер, слышит душу человека, говорящего с ним по телефону, и может выведать у нее самую сокровенную тайну. В сердце второго бандита угодил осколок солнечной батареи, поэтому этот парень не нуждается в обычной пище, подпитываясь энергией солнца, и неутомим, как машина. В организме третьего киллера (его имя только упоминают на протяжении пьесы, но сам он так и не появляется в действии) спрятана мина...

© Парфин П., 2014

© Автор, 2014

Содержание

СЦЕНА ПЕРВАЯ	6
СЦЕНА ВТОРАЯ	13
СЦЕНА ТРЕТЬЯ	16
СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ	20
СЦЕНА ПЯТАЯ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Павел Парфин

Новая погоня

Действующие лица

Алек, мужчина около тридцати.

Гера, мужчина за тридцать.

Ксения, девушка двадцати пяти лет.

Голоса: Вадим, 1-й и 2-й зритель на концерте,

Водитель "КамАЗа",

Священник,

Незнакомец возле храма,

Милицейский начальник, Диктор теленовостей,

Соня (годовалая дочь Ксении).

СЦЕНА ПЕРВАЯ

1-й день погони

20-е числа октября. Гопск – обычный провинциальный город где-нибудь в глубинке или на отшибе России или Украины с населением 150–200 тысяч. Двухкомнатная квартира в старой, 30-летней, хрущевке. Квартира находится на первом этаже. День. На задник проецируется диапозитив с изображением одной из комнат этой квартиры. Сзади справа дверь в комнату, слева окно. В окно виден сад, растущий здесь еще с тех незапамятных времен, когда на месте пятиэтажки стояли частные дома. Снаружи, сквозь ветви сада, льется рассеянный золотистый свет. Убранство комнаты неряшливое, неуютное – видно, что тут, вероятно, живет холостяк, безразличный к комфорту. Вдоль правой стены стоит старомодный буфет. Посреди комнаты обшарпанный обеденный стол и два стула. Слева от стола диван. Это – диван-трансформер. С боков к нему прикреплены четыре мотоциклетных колеса с толстыми шинами – по два колеса с каждой стороны. К передней стенке дивана приделан откидной руль, к задней – запасное колесо. В собранном виде диван похож на мотовездеход. Сейчас диван разложен. За столом спиной к двери сидит Гера, с сосредоточенным видом разбирает финкой пистолет, чистит его. В зубах у него дымится сигарета. Справа из-за задней кулисы входит Алек, оглядывает комнату. Садится напротив Геры на второй стул. Вынимает из-за пояса пистолет. Вводит курок, оттягивает на себя затвор и резко отпускает – раздается сухой угрожающий щелчок. Кладет пистолет справа от себя.

Гера (*не поднимая головы и не отрываясь от пистолета*). Ну и что ты думаешь, чувак? Долго мы будем с ней париться?

Алек. Прикалываешься? Дело-то плевое... (*Вынимает из кармана грецкий орех, кладет на стол и одним ударом рукоятки пистолета раскалывает орех.*) Покруче приходилось решать. Ведь так? (*Жует.*)

Гера. Точно. Особенно таким профи, как мы с тобой. Ты уже опробовал свои способности?

Алек. Было дело, пару раз пришлось.

Гера. Всего пару раз? А я уж думал, что у тебя солидный послужной список.

Алек. Ну, конечно, не пару раз. Раз десять... Или даже двадцать. Всех не упомнишь.

Гера. И как ты это делаешь? Прибегаешь к специальным восточным техникам?

Алек. Я не нуждаюсь ни в каких техниках. Все во мне. Мой дар... Я ведь тебе, кажется, рассказывал, как это случилось со мной?

Гера. Припоминаю.

(Алек прячет пистолет за пояс, встает из-за стола. Направляется к буфету. Не дойдя до него, поворачивает обратно. Подходит к дивану. Нагнувшись, проверяет рукой упругость пружин.)

Алек. Позапрошлым летом я шел со дня рождения кумы. Само собой, как следует податый.

Гера. Само собой. Кто ж трезвым уходит от кумы?

Алек. Да, от кумы просто так не уйдешь... В тот день мы засиделись допоздна. Потом залежались... (*Ложится на диван.*) Короче, когда я добрался до центрального почтамта, было уже совсем темно. Я стал переходить улицу, и где-то на полдороге зазвонил телефон. Я полез в карман за мобилкой, а в этот момент "опель"...

Гера. Так водитель тебя что, не видел? Он же мог тебя запросто объехать.

Алек. Он и объехал. Лишь зацепил меня правым крылом. Если бы я был трезв тогда, наверняка б устоял. А так... (*Садится посреди дивана.*) Вестибулярный аппарат подкачал. Я упал и здорово ударился головой.

Гера. Голова до сих пор гудит?

Алек. Голова – нет, а вот звонок гудит.

Гера. Звонок?

(Алек встает с дивана, садится за стол.)

Алек. Время от времени звонок дает о себе знать. Это как сигнал: когда в голове у меня начинает вибрировать звонок – значит, пора выходить на связь.

Гера (*завершает сборку своего пистолета, кладет его слева от себя; недокуренную сигарету тушит о столешницу*). С этого момента, чувак, не спеша и со всеми подробностями.

Алек. А рассказывать, собственно, и не о чем. Беру телефон и звоню объекту. Гера. Да, но что ты при этом слышишь? Ты же слышишь не то, что все. Алек. Душу.

Гера. Что?

Алек. Я слышу душу.

(Пауза.)

Гера. Погоди...

Алек. Я слышу, как взволнована душа моего объекта или как напугана. Душа его может переживать смертельный ужас, неописуемый восторг или безграничное счастье – все это я могу услышать и запомнить. Я способен уловить любое, даже самое малое движение души. Самую ничтожную, почти незаметную смену настроения. Я могу проникнуть в самые затаенные уголки его души. От меня не уйдешь.

Гера. Но как ты это делаешь? Берешь телефон и... Я смогу так же, как ты?

Алек. Кинься под машину, может, и у тебя случится то же... Я не могу объяснить тебе механизм моего дара. Просто я умею настраиваться. А когда я настроюсь, внутри меня раздастся звонок, и я немедленно хватаю свой мобильный телефон и пеленгую душу объекта.

Гера. Пеленгую душу... Здорово сказано. (*Пауза.*) А ты можешь сейчас позвонить Немой женщине?

Алек. Могу. Но сначала мне нужно настроиться.

Гера. И все?

Алек. Да, главное дождаться звонка.

Гера. Но как же ты услышишь ее, чувак? Ведь она немая. Немая женщина!

Алек. Зато ее душа болтлива. Наверняка. Как у любой женщины.

Гера. Хм, ты прав, я не подумал об этом... И что после этого? Когда ты услышишь ее душу?

Алек. Я буду знать, что она чувствует в данный момент. О чем думает, что собирается делать куда бежать, где скрыться. Как только я услышу, чем живет ее душа, я сразу же сообщу тебе об этом.

Гера (*загоревшись, потирает руки*). А вот тогда настанет моя очередь. Я отыщу ее, где бы она ни спряталась: под землей, на небе, в лесу или толпе. Я непременно настигну ее, как бы далеко она ни была от нас. От меня не уйти, потому что я...

Алек. Человек-аккумулятор.

Гера. Да. Вообще-то у меня много кличек. Мне лично по душе – Солнцеход.

Алек. Солнцеход... А что, звучит. И, небось, в самую точку?

Гера. В самое сердце.

Алек. В самое сердце... Круто, чувак. Ты прямо как поэт.

Гера. Я инвалид, а не поэт... Восемь лет назад, когда мы с мамой жили в том горном городке... *(Внезапно приходит в ярость.)* Чтоб они сдохли, сволочи! И те, которые!.. И эти тоже – ведь они ничем не лучше тех!

Алек. Послушай, если тебе больно вспоминать...

Гера. А кто еще вспомнит мою маму, если не я?!.. Я до сих пор помню ту бомбежку. Уши сдавило от жуткой, невыносимой тишины, а в глазах какое-то сумасшедшее мельтешение. Туда-сюда проносятся камни, пули, куски окровавленной плоти... Сколько тогда ни искали мать, так и не нашли. Может, прямым попаданием ее накрыло. А меня ранило осколком. В самое сердце. Иван Сергеевич сказал, что ничего нельзя сделать.

Алек. А кто он, этот Иван Сергеевич, что берет на себя такое?

Гера *(хватает пистолет и, молниеносно выбросив вперед левую руку, наводит пистолет на лоб Алека)*. Не трожь Ивана Сергеевича! Я за него кому хочешь глотку перегрызу! Он меня с того света вернул. Хирург от Бога, в военном госпитале, в том же горном городке, оперировал меня. *(Опускает руку, со стуком бряцает пистолетом о стол.)* Ты можешь это понять?.. А потом дядьке моему, что из Харькова за мною примчался, всю подноготную рассказал. Что осколок засел в моем сердце крепко. И придется мне жить с осколком всю оставшуюся... И что осколок этот – кусок солнечной батареи.

Алек. Да ну?

Гера. Я тебе врать, что ли, буду? Вот, возьми. *(Протягивает Алеку финку.)* Убедись сам, если не веришь.

Алек. Да верю, верю я... Не могу понять одного: откуда он взялся в тот момент?

Гера. Осколок, что ли? Хрен его знает. Взялся – и все тут... Но, знаешь, я рад. Я благодарен тому осколку. Бомбежка та гребаная не пощадила матушку, а меня... Из меня сделала супермена, а из сердца – вечный двигатель!.. Ну, почти вечный. По крайней мере, если стоит солнечная погода и я как положено заряджусь на солнышке, тогда... Тогда, пацаны, берегись! Я могу три недели без подзарядки и отдыха шагать в любом направлении. Лезть в гору, переплывать реки, совершать стокилометровые марш-броски. Я излучаю энергию, я заряжаюсь этой самой энергией!.. *(Пауза.)* А какой я трахальщик? Я всегда готов и могу столько, сколько хочет женщина. Даже больше, если вовремя меня не остановить... Когда женщины узнают об этой моей способности, они не дают мне прохода.

Алек. А Немая женщина?

Гера. Что Немая?

Алек. Я хотел спросить, она тоже от тебя без ума?

Гера. Ну, не знаю. Когда я ее увижу, когда она увидит меня... Да еще ни одна баба не устояла, чем Немая лучше?! Не устоит и она, вот увидишь. Ты давай, делай свое дело – запеленгуй ее душу. А за мной не постоит. Давай, звони, чего сидишь?

Алек *(кладет локти на стол, поднимает руки и сжимает ладонями голову)*. Сейчас... Звонок... Вот, наконец-то. Давно не удавалось настроиться на него. *(Торопливо подносит к уху телефон, слушает.)*

Гера. Ну что там? Не тяни!

Алек. Ничего.

Гера. Как, черт тебя подери, ничего?! Ты же сказал – слышишь душу!

Алек. Так ведь и вправду слышу. Только и она, душа ее, складывается впечатление...

Гера. Как же ты достал! Дать тебе, что ли, один раз, но как следует. Чтоб не жевал сопли, говорил быстро и по делу.

Алек. Не горячись. Просто... Я такой души еще не встречал. Я слушаю ее, а она...

Гера. Ну? Щас врежу, нет больше никакого терпения!

Алек. ...А чужая душа слушает меня. И – хихикает.

Гера. Как... хихикает? Это что ж получается: мы тут в полном напряге, ищем и пеленгуем ее, а она – ржет над нами?

Алек. Хихикает. Вот так: хи-хи...

Гера. Да один черт! Где эта дрянь?! Быстро доложи мне, где эта дрянь?!

(Алек и Гера так увлечены обнаружением Немой женщины, что не замечают, как в комнату входит Ксения. В руке у девушки небольшая плетеная корзина; сверху корзинка накрыта кухонным полотенцем. Ступив два шага к центру комнаты, Ксения застывает в оцепенении, ошеломленная невероятно возбужденным, озлобленным видом Геры.)

Алек (*еще плотней прижимает к уху корпус телефона*). Тс-с, не поверишь... Здесь. Где-то совсем рядом.

Гера. Где-е? Так что ж ты раньше молчал, кретин?! Вперед!! Мое сердце перегрелось от дурацкого простоя; еще минута – и его разнесет вдребезги! Мое сердце не выносит долгих пауз, оно гонит меня прочь. Прочь из этого затхлого вонючего мирка, обреченного на серость и прозябание; вперед, навстречу соленым подвигам и безумным делам! Я – супермен! Я все смогу!

Алек. Мы – супермены! Мы все можем!

(Вздыхнув, Ксения наконец двигается с места – с каждым шагом все решительней сокращает дистанцию между нею и двумя разгоряченными приятелями. Заслышав шаги, мужчины поворачивают к ней головы.)

Ксения (*подходит к столу, улыбается озорно и приветливо*). Вот смотрю я на вас. Чего разорались-то, дурачье?

(Гера настороженно, почти враждебно рассматривает девушку; Алек ухмыляется. Ксения опускает на стол корзинку.)

Гера. Ну-ну, поосторожней! Выкладывай, чего надо, и проваливай.

Ксения. Если станете вопить так и дальше, распугаете не только немых, но и глухих.

Гера. Ну! Я же сказал: по-быстрому! Чего надо?

(Алек смеется.) Ты-то чего ржешь?

Алек. Это же Ксюха.

Гера. Мне-то какое дело до того, что она Ксюха?

Алек. Так ты ж сам меня попросил, чтоб я ей позвонил... Ксюха обед нам принесла!

Гера (*отворачивается*). Я не ем. Мне это не нужно. Я питаюсь только светом, а солнечной энергии во мне по самые... Короче, вам и не снилось.

(Ксения, не слова ни говоря, вынимает из корзинки два свертка. Разворачивает один, тот, что побольше, – в нем бутерброды.)

Ксения. А теперь сюрприз! (*Разворачивает второй сверток – в нем три яблока.*) Посмотрите на это. Здорово, да?

Алек (*паясничая, склоняется над яблоками*). Где, под яблоками?

Ксения. Дурачок, не под, а сами яблоки!

Гера. Ну яблоки, что тут такого? Я-то думал, ты нам какой-нибудь глюконат притащила.

Ксения. Да вы что! Посмотрите, какие они блестящие, гладенькие! А как пахнут – просто чудо! Неужели вы... *(Пауза.)* В вашем саду, кстати, нашла. На дорожке, в двадцати шагах от дома.

Гера. Хватит болтать.

Алек. Правда, Ксюха, что ты к нам со своими яблоками привязалась?.. Мы тут к такому делу готовимся.

Ксения. Да ну вас! Вот и ешьте ваше дело. А я яблочко погрызу. *(Берет яблоко, аппетитно откусывает от него.)*

(Гера с недоумением таращится на девушку. Алек запускает руку в корзинку, вынимает одно за другим – бутылку вина и три бокала. Последней на свет появляется коробка конфет "Raffaello".)

Алек. Так тут есть и выпить что. *(Разливает вино в бокалы. Протягивает девушке коробку, Ксения берет конфету – лакомится ей.)*

Гера *(пригубляет свой бокал)*. Ну, это можно. От этого я никогда не отказывался. Жаль, на солнце не встретишь сорокоградусную...

Алек. Да ты что?! Температура Солнца, знаешь, какая?! На днях читал на "Мембране", в атмосфере Солнца обнаружены пары спирта...

Гера. Коньячного, небось?

Ксения *(вскрикивает)*. Ой, чуть не забыла! Ребята, успокойтесь! Вам от Вадима письмо.

Гера *(настороженно)*. От какого еще Вадима?

Алек *(продолжает дурачиться)*. Не нужны нам никакие Вадимы-пингвины, когда у нас есть ты – Ксюшка-душка.

Ксения. Слушайте, может, вы тут уже приняли без меня?.. Вадим – ваш третий. *(Достает спрятанное на груди письмо; ее рука с письмом застывает на одинаковом расстоянии от обеих парней. Девушка явно растеряна, не зная, кому первому вручить письмо.)* Он с тем же заданием... только...

Алек. Ну-ка, дай сюда письмо. *(Выхватывает у нее конверт.)* Что он тут... *(Вынув из конверта лист бумаги, читает.)* Та-ак... У него особая миссия, ясно? Поэтому он будет держаться особняком. Поодаль от нас.

Гера. Вадим? Будет отдельно от нас?.. *(В задумчивости.)* Ну да, конечно, ведь он...

Алек *(удивленно)*. Ты знаешь его?

Гера. Не то что бы знаю...

Ксения. Очень симпатичный молодой человек!

Гера. Он... смертник.

Алек. А-а, тогда понятно, почему он тебе понравился. Перед смертью все стремятся хорошо выглядеть.

Ксения. Вот дурак! Больше ничего умного не мог придумать?

Алек. Ой, обиделась, что ли? Неужели так понравился будущий покойничек?.. А кроме шуток, Гера, что ты о нем знаешь? Почему назвал его смертником?

Гера. Он старше меня всего на год или два. Но хлебнул уже сполна... Восемь лет назад пришлось ему воевать в 70 километрах от самого ненавистного места на свете. Того горного городка, где моя мама родила меня... и встретила свою смерть.

Ксения. Его серьезно ранили?

Гера. Вначале убили, замучили на смерть его подружку. Она служила в той же роте сан-инструктором... *(Пауза.)* Он возненавидел лютой ненавистью всех террористов, которые есть и еще будут. И заочно приговорил их к смерти. Да он сам искал смерти! При любой возможности рвался на передовую, лез на рожон. Но судьба, как это часто бывает, поступила по-своему.

Не стала вступать с ним в открытую схватку, а подстерегла в засаде... (Пауза.) Ему поставили искусственные почки. А через месяц, когда пришел срок выписываться, он отвалил хирургу сумасшедшие деньги... Тайком заплатил хирургу, чтоб тот вживил ему мину. Подключил ее к искусственным почкам.

Алек (*присвистывает*). Выходит, Вадим – ходячая мина!

Гера. Можно и так сказать.

Ксения. Боже, такой на вид, казалось, серьезный, надежный мужчина. Вежливый, обходительный. Красивый вдобавок... (Пауза.) И на фига это ему нужно? Он что, больной?! (*Опрокидывает бокал – вино разливается по столу.*) Что за хрень, а не жизнь! Стоило мне наконец встретить нормального мужика... Он хочет покончить с жизнью, да?!

Гера. Вадим – психологически неуравновешенный. Я же сказал: он поклялся отомстить за свою девушку. Унести с собой как можно больше террористов. А заодно и свести с жизнью счеты.

Алек. А что он один может? Это только в кино, где всякие рембо фокусы показывают.

Гера. Он и есть фокусник. Человек-бомба. За километр чует террориста. Если засечет, то все – хана, ни один не уйдет... Его ненависть к врагам патологических масштабов. Колоссальной убойной силы. И ужасно токсична...

Ксения. Ну, наверно, не сильнее, чем ненависть его девушки. Останься тогда она жива, она бы рассказала ему, как горячо ненавидит своих насильников.

Гера. ...Когда он окажется в гуще террористов, он воспылет к ним столь мощным чувством... просто звериной яростью! Не найдя выхода, эта ярость отравит его кровь. Весь организм его будет отравлен справедливой ненавистью и жаждой мести. Как реки в день Страшного суда.

Ксения. Это правда?

Гера. Почки не справятся с бушующей кровью, заклинят намертво – и уже в следующую секунду придет в действие взрывной механизм. Тогда никому не уйти от возмездия.

(Пауза.)

Ксения. Верится с трудом. Что могут две маленькие почки против армии террористов?

Гера. Вадим предусмотрел и этот вариант. И попросил хирурга-минера подключить к бомбе, кроме искусственных почек, прямую кишку.

Ксения. Прямую кишку? Фу, но там же – экскременты!

Гера. Какие, на фиг, эксперименты?.. Всего лишь дерьмо.

(Алек вынимает из коробки конфету, кладет на стол и разбивает ее рукояткой пистолета – в стороны разлетается кокосовая стружка.)

Алек. Вот это ход! (*Разбивает еще одну "Raffaello".*) Смертоносное дерьмо – новейшее оружие массового поражения! О таком я еще не слышал... Объясни мне только, как может быть нам полезен Вадим со своими взрывоопасными почками?

Гера. Все очень просто: ты ищешь Немую, ловишь ее душу на слух, я преследую ее в любой точке земли, загоняю в угол, как бешеную кошку, а Вадим... подрывает.

Ксения. Но ведь тогда он... ценой своей жизни...

Гера. Он поклялся отомстить, понимаешь, поклялся! Его жизнь без любви не имеет смысла, она тяготит его... Вспышка мести, взрыв – и долгожданная развязка.

Ксения. Это ужасно! Его сейчас же нужно остановить! Почему никто из вас не хочет его остановить? Алек, я знаю, ты можешь, почему же ты ничего не делаешь?!.. Нет, я сама, я бы

смогла его убедить. Да, я хочу встретиться с ним снова, я отговорю его от этого безрассудного поступка.

Какая бы ни была его любовь, умирать вот так... ни за что...

Гера. Брось, противно слушать. Что ты знаешь о любви? О настоящей любви, а не о слюнявых поцелунках и глупых обжиманьях в темноте. Настоящая любовь для кого-то спасение, а для кого-то смерть.

Ксения. Все, с меня хватит. Больше ни слова о смерти!.. И о любви – довольно.

(Ксения уходит. Алек провожает девушку долгим взволнованным взглядом. Наливает себе вина, выпивает залпом. Затем наполняет бокал еще – снова пьет. Все это время, пока Алек пьет, Гера не сводит с него цепких подозрительных глаз. Алек ставит пустой бокал на стол, встречается взглядом с Герой.)

Алек. Это она... Ксения сбила меня в тот вечер. Она была за рулем того "опеля". (Медленное затемнение. Мужчины замирают, как замороженные, глядя друг на друга. Их силуэты плавно растворяются во тьме.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

2-й день погони

Свет включается. Ясный солнечный осенний день. На заднике – диапозитив с изображением поля, густо покрытого зелеными всходами раскустившейся озимой ржи. Синее небо без единого облачка. Слева вдалеке маячит дорожный указатель "Гопск. 20 км" (указывает в сторону левой кулисы). Справа установлен знак "Большовск. 900 км" (указывает в сторону правой кулисы); там же, на горизонте, темнеет сине-зеленая полоска леса. К лесу, разрезав поле пополам, вьется неширокая грунтовая дорога. По дороге колесит диван-мотовездеход. Его лихо оседлал Гера. На его голове повязана черная бандана. Крепко вцепившись в руль, он пристально вглядывается в даль. Сверху, в 2–2,5 метрах над дорогой, распластал крылья мотодельтаплан. В люльке летательного аппарата ловко устроился Алек. На ветру развеваются его волосы; глаза молодого человека защищают большие ветрозащитные очки.

Алек (*счастливым, показывает большой палец правой руки вверх*). Полный улет, Гера! С такой скоростью мы запросто доберемся за два дня до Большовска!

Гера (*с неистовой радостью крутит баранку мотовездехода*). Ништяк, Алек! А ты уверен, что Немая женщина прячется в Большовске?

Алек. А то! Я вчера случайно подслушал по телефону, как ее женская душа договаривалась о встрече с мужской.

Гера. Да ну? И чья ж это мужская душа?

Алек. Этого я сказать не могу: Немая ни разу не произнесла имени своего хахаля. Но то, что он назначил ей свидание в Большовске, – я слышал своими ушами!

Гера. Выходит, Немая с кем-то закрутила роман. Что ж, нам это только на руку. Приедем в Большовск и возьмем Немую тепленькой прямо в объятиях ее любовника.

Алек. Это точно! Немая даже пискнуть не успеет, когда мы ее схватим!

(Внезапно Гера сильно вздрагивает всем телом, оттого что мотовездеход налетел на кочку.)

Гера. Все, кончай болтать, чувак! Добавь лучше газу! Разгони свою птицу, подставь крылья ветру погони!

Алек. Эге-ге-ге, ветер погони! Он возбуждает, он пьянит!..

Гера. ...Ветер погони сорвал нас с места, сорвал крышу, лишил равновесия и покоя; отравил нам жизнь, сделал жизнь потрясающе живой; разорвал в клочья привычный убогий мирок, где мы столько лет прозябали. Погоня – она круто изменила нас!..

Алек. ...Преобразила! Сделала лучше. Погоня – это образ жизни. Анархия для движения! (*Бросает вниз мешочек; ударившись о дорогу, мешочек лопается – из него в разные стороны летит разноцветный фонтан конфетти.*) Плевок в душу тошных будней! Погоня дороже безопасности и свободы...

Гера. ...Погоня дороже самой жизни. От погони не жди пощады и снисхождения. Погоня жестока, преступна и... невероятно заразительна! Как заразительно все, что напрочь лишено корней, традиций, привычек, обязательств и ограничений...

Алек. ...Мы упиваемся погоней, мы дышим и не можем надыхаться ее резким, обжигающим душу духом...

Гера. А кое-кто сейчас, именно в этот момент, но хрен знает где, задыхается от удушья.

Алек (*в недоумении свешивает вниз голову*). Кто же это?

Гера. Вадим... Сдастся мне, он вечный неудачник. На его роду написано: прикрывать наши задницы. Волочиться за нами, дышать нам в затылок, толкать в спину... Но у него нет ни единого шанса обойти нас...

Алек. ...И почувствовать, что значит погоня; надыхаться ее живительным духом...

Гера. ...Ощутить безграничную власть. Безнаказанность. Войти в раж – и гнать, гнать, гнать! Настигнуть террористку – и уничтожить!

(Раздается резкий свистящий звук. Мотовездеход кренится влево.)

Алек. Это ты про кого?

Гера (*останавливает мотовездеход и слезает*). Ну, про Немую женщину, про кого ж еще? (*Стучит носком ноги по переднему левому колесу.*) Черт, этого только не хватало!

Алек. Так она и в самом деле террористка?

(Гера заводит домкрат под левый край мотовездехода, поднимает его. Снимает пробитое колесо.)

Гера. Откуда мне знать. Ведь с какой-то же целью мы преследуем ее? На фига тогда понадобилась погоня, если Немая – не террористка?

Алек. Может, она случайно... сама того не желая... ее вынудили...

(Гера снимает с задней спинки дивана-мотовездехода запасное колесо.)

Гера (*опустившись на корточки, устанавливает запасное колесо вместо пробитого*). Не пори чепухи! Она – стопроцентная террористка!.. Но даже если не террористка – обязательно преступница. Другого и быть не может. Какой смысл тогда гнаться за ней? (*Садится снова на мотовездеход.*)

Алек. Ну, не знаю. Дух погони. Ощущение полноты жизни.

Гера. Это так, возразить сложно. Но погоня – для нас. Нам погоня в кайф. В удовольствие. В охотку... Но на кой черт погоня – ей? Ей-то на фига мчаться сломя голову, удирать, спасать свою задницу?!

Алек. Может, она неудобна? Гера. Кому неудобна? Алек. Ну... может, этим...

Гера. Коалиции, что ль?.. Или, неужели ты хочешь сказать, – оппозиции?

Алек. Президенту... Нет, конечно, нет.

Гера. Тогда кому же?

Алек. Премьер-министру.

Гера. Тьфу! Умнее ничего не придумал? Ты бы еще сказал Западу. Или – Востоку! (*Пауза.*) Ладно, приедем в Большовск, там и разберемся. А пока, гадай не гадай, наше дело – погоня. Вот единственное, что сейчас имеет цену и смысл!

Алек (*с восторгом и упоением*). Она поддерживает нас в нужном тоне. Освобождает от никчемных мыслей о хлебе насущном. Ведь хлебу свойственно черстветь или покрываться плесенью. А погоня – эталон свежести! Эликсир идеальной жизни!

Гера. Поэтому никаких перекуров! Больше никаких остановок и привалов! Погоне – зеленый свет и вечное движение!

(Из двигателя мотодельтаплана неожиданно начинают сыпаться с треском искры.) (*С тревогой глядя на Алека.*) Эй, чувак, что там стряслось?

Алек (*в отчаянии*). Движок загорелся! Гера, я падаю!

(Мотодельтаплан охватывает пламя, раздается пронзительный ноющий звук сорвавшегося в пике самолета, за дельтапланом тянется шлейф дыма. Свет гаснет. Слышен треск ломающихся веток и крики Алека. Затемнение.)

(*Чертыхается.*) Какого черта! Сломаны мои крылья...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

3-й день погони

Полузатемнение. Ночь. На заднике – картинка лесной дороги, проходящей по вершине оврага. С одной стороны дороги вознеслись громадные черные силуэты деревьев, с другой – крутой обрыв, на дне которого притаилось болото. Смутно различаются очертания диванамотовездехода – повернутый под некоторым углом вправо, он слабо высвечивается в центре сцены. Мерцают тускло фары и красный крошечный огонек сигареты. За рулем Гера, слева Алек.

Алек. Чего встали?

Гера (*сквозь зубы, не вынимая изо рта сигареты*). А хрен его знает... Ни черта не видно. Стремно как-то. Даже руки вспотели... Мало того, что ночь такая зверская – фары не тянут, вязнут в этой жуткой тьме; глаза сильно слезятся от постоянного напряжения. Так еще и дорога, как назло, – сплошь чертовы коряги и ямы... А овраг? Как мы в него не влетели?

Алек (*встрепенувшись, вытягивает перед собой руку, указывая в передний правый угол сцены*). Гляди – огни!

Гера (*всматривается в указанном направлении*). Где?! Что за огни? Откуда в этой гиблой глухомани могут взяться огни?!.. То тебе померещилось, следопыт хренов.

Алек (*все больше загораясь*). Да нет же, вон, гляди!

Гера (*наконец замечает*). Вон те, что ли, слева от черных кустов? Так то ж задние фонари! "Дэу" или "шевроле", хрен его разберешь...

Алек. Выходит, они так же, как и мы... Хорошо, хоть не одним придется заночевать здесь. (*Озирается.*) Ну и лесок! Мрак! Покруче, чем в ужастиках, будет. Бр-р!

Гера (*приподнимается, перегибается через руль – кричит*). Эй, мужики! Что за остановка, не в курсе?

Голос Вадима (*приглушенный – из-за кулис*). Авария.

Гера. Авария? Где?

Голос Вадима. Да вон там, в самом узком месте. Вроде три тачки столкнулись. Или две, а третья в овраг упала. Точно никто не знает. Короче, застряли надолго.

Гера. Черт! Мать их! Нам же останавливаться нельзя. Ни на минуту! Уйдет ведь Немая!

Алек. Погоди, может, как-нибудь объехать можно?

Гера. Как-нибудь в такой тьме можно только глаз себе выколоть. Ты что, не видишь, слева лес? Наверно, столетний – вон какие стволы здоровенные, как бочки. А справа – болото и овраг. Куда прикажешь ехать?.. (*Пауза.*) И потом, что ты привязался ко мне со своим объездом? Ты ж летчик-залетчик! Где твои хваленые крылья, а?

Алек (*с досадой*). Так я ж тебе говорил уже: клапан накрылся. А без клапана движок на мотоплане ни в какую не запускается.

Гера (*усмехается с издевкой*). Угробил крылышки-то. А был бы сейчас твой фигоплан на ходу, мы бы не кукарекали понапрасну в этом дремучем вертепе; раз бы – и воспарили красиво над лесом! Вмиг бы выбрались из этой проклятой чащобы.

Алек (*рассуждает сам с собой*). Но это, возможно, нам и на руку...

Гера. Что на руку? То, что мы тут застряли до утра? А то и больше, пока менты с эвакуатором не придут!

Алек (*прикладывает к уху руку с телефоном – где-то глухо раздается звонок*). ...Она где-то рядом. Ее придыхание... Я различу его среди тысяч вздохов и стонов.

Гера (*насторожившись*). Ты про Немую? Так она здесь?! Вот это уже интересно. (*Хлопает Алека по плечу.*) Давай, чувак, пеленгуй ее!

Алек. Сейчас... Вот... Голос ее стал значительно чище... Уже можно разобрать отдельные слова... Я слышу ее!

Гера. Ну?! Что там? Что болтает ее душа?

Алек. Она... (*Пауза.*) Бред какой-то.

Гера. Ты давай не комментируй, а лучше повторяй за ней. Вслух повторяй, что там несет душа Немой.

Алек. Она говорит, что невероятно устала...

Гера. Это хорошо, что так говорит. Видно, загнали мы ее все-таки, дрянь такую!

Алек. ...Говорит, что силы непрерывно тают. Уходят силы из нее с невыносимой скоростью...

Гера. Не-ет, так дело не пойдет. Она сейчас сдохнет сама, а мы тут топчемся понапрасну. Это наше дело, нам поручено кончить ее! Что это она возомнила о себе? Кто дал ей право со своей жизнью так поступать? Нет, ты мне скажи, она знает, что самоубийство – это грех?!.. (*Пауза. Осененный внезапной мыслью.*) Стоп. А что если она – там... где авария? В самой гуще?! Пока мы тут торчим, как два идиота, ее тело сейчас в кровянице и смертельных увечьях. А душа вот-вот отлетит!

Алек (*раздраженно*). Да не ори ты так! Ты ж сбиваешь меня с настрою... (*Снова слушает телефон.*) Ее душа. Тяжело дышит. Как загнанная собака...

Гера (*с облегчением*). Фу-ух, слава богу! Дышит – значит, жива.

Алек. ...Жалуется, что если сейчас же, в течение ближайших 10–15 минут, не зарядить ее сердце, то ей каюк.

Гера (*потрясенный новостью*). Что? Что ты сказал?

Алек. Не понимаю... Говорит, что если сердечную батарею не зарядить солнечным светом, то ее и в самом деле ожидает близкая физическая смерть. Душа грозит умереть...

Гера. Что, у Немой сердце на солнечной батарее?! Это что ж выходит, она такая же... Она как сестра мне, а я на нее облаву устроил?! Нет, об этом я не договаривался, не за тем я согласился на эту погоню...

(Алек продолжает напряженно слушать телефон; неожиданно меняется в лице, словно услышал нечто неординарное.)

Алек (*с тревогой*). Гера. Слышишь, Гер? Гера!

Гера (*взволнованно*). Да что ты заладил, как попугай, – Гер да Гер! Тут такая девчонка пропадает. Сестра моя. Дороже родной сестры будет. Я даже готов пожертвовать ей своим сердцем. Пусть забирает! Хоть сейчас! Едем, где ты засек ее душу?

Алек. Успокойся, Гер. Это не ее душа, не Немой женщины... Ты ей ничем не поможешь.

Гера. Не успокаивай меня! И не отговаривай. Раз я решил – значит, так тому и быть. А не хочешь ехать со мной... (*С презрением.*) Слушай, а может, ты трус? Испугался этого гребаного леса?

Алек. Гера... это твоя душа.

Гера. О чем ты? Не догоняю.

Алек. Немая тут ни при чем. Это твою душу я слушал сейчас. Понимаешь, случайно набрал твой номер...

(Пауза.)

Гера. Скотина, да я тебе за это, знаешь, что...

Алек. Потом, потом ты мне скажешь, что ты мне за это сделаешь. А сейчас экономь, береги силы. Видать, батарейка твоя порядком подседа. А, Гер? (*Пауза.*) А рассвет-то, черт, еще не скоро.

Гера (*вмиг сникает*). То-то я чувствую, что руль рук не слушает. Все норовит то в пень повернуть, то в овраг отправить нас... Что ж так хреново?

Алек. Я сяду за руль, ты не переживай.

Гера. Ты зачем... ты какого хрена подслушал мою душу?!

Алек. Прости, я же...

Гера. Теперь мой черед. Дай мне свой телефон. И не вздумай что-нибудь утаить от меня. Тогда будем в расчете.

Алек. Ничего у тебя не получится. Ты не сможешь. Для тебя моя душа – потемки. Как этот лес. Любая душа для тебя – дремучая тайна. Только у меня одного дар такой – знать потаенное, заповедное, что кроется в душе человеческой. Знакомой и незнакомой.

(Гера приставляет пистолет к голове Алека.)

Ты что делаешь, псих?! Если ты меня сейчас убьешь, кто поведет мотовездеход?.. У тебя силы на исходе, ты, того и гляди, скоро концы отдашь; кто тогда продолжит погоню, кто разделяется с Немой?

Гера (*тыкает в голову Алека пистолетом*). К черту Немую! Я требую реванша, я хочу услышать твою душу. Душонку! У-у, догадываюсь, какое это низкое, грязное создание! (*Протягивает Алеку свой телефон.*) На! Звони себе... Живо! Я хочу слышать твою душу!

Алек (*в отчаянье*). Но ты не сможешь! Тебе не дано...

Гера. Придурок, ты будешь слушать. Сам себя слушать! Запеленгуешь свою душу с моего мобиля и мне во всех деталях, во всех подробностях расскажешь, как ты низко пал, если посмел покуситься на самое святое – на душу. На душу товарища! (*Пауза.*) Ты как дьявол... Ты страшней дьявола. Давай, звони!

(Алек набирает на Герином телефоне свой номер. Раздается звонок в телефоне Алека. Дрожащей рукой он прикладывает к уху телефон Геры.)

Алек. Я... Моя душа... Она снова хочет быть маленькой. Сходить по-маленькому. Затем забраться в теплую постель, и чтоб рядом – мама. Молодая, ласковая. А у меня температура и кашель. И мама обо мне заботится: встряхивает градусник, в стакане чай с малиной, у изголовья ночная лампа в бархатном колпаке, обогреватель урчит – воздух в спальне греет. И мне уже хорошо, никуда не нужно бежать, не надо больше гнаться, не надо бояться и никого... И пугать никого не надо, угрожать смертью никому не надо. Просто сомкнуть веки, слушать нежный мамин голос и представлять себе, как это будет со мной... Сколько всего ждет меня еще в моей жизни...

(Не замечает, как, обессиленный, Гера безмолвно падает головой на руль.)

Я верю своей маме, верю ее теплому голосу, что звучит сейчас в телефоне: меня ждет только хорошее. Судьба будет благосклонна ко мне; я не подведу свою маму, ей ни разу в жизни не придется испытать стыд из-за меня...

(Замечает недвижимое, обмякшее тело Геры.)

Что это с тобой?.. Нет-нет, куда ты?! Ты этого не сделаешь со мной, не бросишь! (Наклоняется над Герой, пытается привести его в чувство.)

Сейчас, сейчас я тебе помогу. Я быстро, вот увидишь, мы успеем добраться вовремя. Нам же еще ту дуру надо прикончить...

(Свет меркнет. Затемнение.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Утро следующего дня

Полузатемнение. Перед рассветом. Лесная дорога, вершина оврага. Высвечивается лишь центр сцены. В круге света стоит Ксения. Позади автомобильное колесо, искореженный лист металла.

Ксения. Он позвонил мне, сказал, что уже выехал в Большовск. И пообещал забрать к себе через неделю, когда снимет квартиру и решит какие-то дела. Но я не могу ждать неделю, я без него и дня не могу прожить!.. Я тут же все бросила, ничего не сказала маме, взяла такси и поехала ему наперерез; таксист показал мне эту дорогу... Я так надеялась догнать его, но вместо этого очутилась здесь. *(Оглядывается.)* Я отпустила такси, а сама решила остаться. Он бы сказал, будь он сейчас рядом, что я поступила глупо, легкомысленно, безрассудно. Но я не могла иначе, ведь там... *(Всматривается в лесной мрак.)* Неподалеку, случилось несчастье. Авария. Сперва я даже подумала, что это с ним... Сердце так защемило, и я решила, что он попал в беду... Но потом оно отпустило, немного поныв, затихло – и сразу отлегло... *(Пауза.)* Ведь он... он дорог мне. Я бы, наверно, не пережила, если б с ним что-нибудь случилось. Пусть и не очень серьезное. Все равно боязно за него ведь он такой уязвимый... Его отсутствие, его боль, его... смерть – они бы слишком много для меня значили... *(Пауза.)* Пустота... Я только обрела опору под ногами, только стала различать запахи ветров и оттенки рассветов – и вдруг пустота. Пустота... *(Пауза.)* Что мне тогда, покончить с собой? Покончить с жизнью? В отместку за свою везучесть. За свою неуязвимость?.. Или одеться в рубище и пойти куда глаза глядят? Подставляя голову и спину побоям и проклятьям. Вымаливая, выпрашивая у неба вернуть его мне... Какой аргумент? Почему небо должно вернуть его мне? Но как же иначе... Я люблю его – вот и все. Вернее, любила. Нет, вздор, что я несу! Ведь я не знаю, кто там разбился. Кого нашла на этой глухой лесной дороге злая судьба. *(Пауза.)* Не дай бог, он бы и вправду угодил в это месиво, от которого смердит даже сюда. Я бы не выдержала тогда, я бы сорвалась, и никто бы меня тогда не остановил. Не сумел бы убедить, что я должна покориться судьбе, унять строптивый свой нрав, покончить с собственной гордыней... Раз и навсегда покончить с мечтой... *(Пауза.)* Но разве бы я так могла? Отказаться от всего этого? Моего?.. От самой себя, выношенной здесь, в сердце, и здесь, в душе, – разве бы я когда-нибудь от себя отказалась?!.. *(Пауза.)* Да я бы скорей стала шлюхой! Вышколенной, искушенной, блистательной шлюхой! От моего вида, от того, как я одеваюсь и умею держаться в обществе, женщины сгорали б от зависти, а у мужчин срывало бы крышу... Змейки бы лопались на их похотливых штанах. Я сама утопила бы в похоти свое горе и гордость свою... *(Пауза.)* Боже, о чем это я?.. Как тихо, как страшно здесь. Я ненавижу ночь. Прямо демонический лес. Не приведи Господь, выскочит кто-нибудь и затащит меня в черную чащу. А там ведьмы, упыри... И все же здесь не так плохо. Что-то подсказывает мне, что та беда, что произошла здесь, – еще не моя беда. Это радует... Каким бы благочестивым и воспитанным ни был человек, он всегда остается истинным эгоистом, если вдруг кто-то посягает на его счастье... На мою любовь... *(Пауза.)* Эта авария. Она знак для меня свыше, предупреждение, чтоб я была готова к самому худшему... Вот еще! Не будет по-вашему, за кого вы меня принимаете?! Чтобы я отныне жила в вечном страхе, что мою любовь совсем скоро постигнет та же участь, что и тех невезучих, угодивших в аварию? Не на ту напали! Я не верю никаким предсказаниям!.. Какими бы они правдивыми ни были. Я не хочу... Я буду сопротивляться, я буду счастливой наперекор! Я не пропущу напрасно ни одного радостного мгновения, ни одного рассвета, ни одной чашечки кофе, ни одного пирожного... *(Пауза. Оглядывается с таким видом, будто видит окружающие ее предметы и местность)*

впервые.) Боже, как получилось, что в этой аварии выжила я одна? В этой ужасной мясорубке – лишь одна я жива... Почему же тогда никто не идет сюда, не заберет меня отсюда – почему?! Где милиция, мать ее?! Где спасатели, маньяки, лешии, дикие медведи – где?!.. Почему он, наконец, не ищет меня, не спешит мне на помощь? (*Пауза.*) Любовь моя, это так важно для меня – жить среди живых. Снова быть вместе с тобой. (*Долгая пауза. Свет становится ярче, постепенно наполняя собой всю сцену – спереди и сзади, слева и справа от девушки. Высвечиваются за ее спиной подернутые туманной дымкой стволы деревьев.*) Светает... Как быстро светает. Все страхи позади. Я снова свободна.

(Слева нарастает гул автомобильного двигателя, слышны неразборчиво мужские голоса.)

Голос Вадима. Спасибо, мужики, помогли дорогу расчистить. А то я уж думал, придется здесь до утра куковать. (*Обращается к кому-то поблизости.*) Гляди-ка – девушка. (*Кричит Ксени.*) Девушка, давайте мы вас подведе... Ксения – ты?! Как ты здесь оказалась?!

(Ксения поворачивает голову в ту сторону, откуда ее окликнули. Улыбается сквозь слезы – улыбается все шире и радостней.)

Ксения (*утирая слезы*). Эй, я здесь!.. Я не плачу... (*Смеется от счастья.*) Так мы едем? (*Резко гаснет свет. Ревет мотор на повышенных оборотах, сквозь шум пробивается счастливый девичий смех – и тут же все стихает.*)

СЦЕНА ПЯТАЯ

11-й день погони

Утро. Осень. На задник проецируется диапозитив с видом Большовска – громадного города-миллионника. Урбанистический пейзаж: высотные здания, роскошные витрины магазинов и ресторанов, представительные офисы, яркие неоновые рекламные вывески; лимонная, позолоченная или отливающая свежим марганцем листва редких деревьев, чудом выживших в царстве камня и стекла. Под углом слева направо уходит вдаль широкий проспект, плотно забитый автомобилями, в шесть рядов движущимися в ту и другую сторону. Над проспектом эффектной аркой перекинулся грандиозный Центр торговли; по наружной стене Центра ходит лифт – прозрачная кабина его вознеслась на несколько метров над городом. На уровне кабины к заднику примыкает возвышение, имитирующее саму кабину. Кабина лифта пуста.

Утренний час пик. В заторе, в гуще сотен автомобилей (посреди сцены, являющейся продолжением проспекта), застрял диван-мотовездеход. Он стоит вполборота задом к авансцене. В мотовездеходе неразлучные Гера и Алек.

Гера (*сидит за рулем лицом к заднику, по обыкновению курит*). Вот и Большовск. Черт подери, как же долго мы сюда гребли!

Алек. Ага, вместо трех дней на дорогу ушла неделя. Но теперь все позади, да, Гера? (*Привстает в кабине, озирается по сторонам, в глазах – восторг, страх и благоговение.*) Что за город! Фантастика!..

Гера. Рань какая, а машин уже – море! А мы торчим. Завязли наравне со всеми. И неизвестно, когда эта пробка рассосется.

Алек. ...Ух и домища! Никогда таких не видел. Вон тот, как наша водонапорная башня. А этот – видишь? – как три, а то и больше будет...

Гера (*с презрительным превосходством*). Ты что, никогда в большом городе не был?

Алек. ...А людей-то, людей, посмотри, – тьма! Того и гляди, схватят за руку, затянут в свою толпу и растопчут...

Гера. Дурак, кому ты здесь нужен! Запомни, чем больше город, тем свободней ты в нем. Ты здесь на фиг никому не нужен; здесь никто никому на фиг не нужен. Больные, одинокие люди, которые не замечают друг друга в упор. Одна пустая видимость этот человеческий муравейник.

Алек. ...А машин! Черт, сколько тачек! Знаешь, я как-то смотрел телек, там какой-то автозавод показывали. Громадный, длиннющий конвейер! С него все сходили и сходили новые тачки. Так здесь, небось, тысячи таких конвейеров включены. Нет, в самом деле – сколько машин! А какие марки – закачаешься! "Крайслеры", "кадиллаки", "порше", "ягуары"...

Гера. Хм, да ты, как я погляжу, спец в этих делах. Рубишь, значит, в тачках.

Алек. Когда-то очень интересовался. Пацаном еще. Мечтал. Бредил даже. Какую-нибудь из этих иномарочек прикупить. Пока... (*пауза*) тот "опель" меня не снес. Я после этого словно прозрел. Сразу же ополчился, возненавидел эти вылизанные буржуйские корыта... Убийцы. Строят из себя аристократок, а на самом деле лишь чье-то больное тщеславие тешат. В глотку гордыни чьей-то заглядывают, лощеные задницы раскатывают...

Гера. Эко ты зол на них. Не преувеличивай, приятель. Для кого-то тачка и вправду роскошь. Точней, как обязательный элемент в их роскошном хозяйстве. Как двести лет назад у помещика было. Помнишь, читал историю? Обязательно хоромы должны быть офигенные, на зависть другим, куча крепостных крестьян, породистый жеребец, а то и два. Прикинь, конь-"мерс", кобыла-"ауди", жеребенок-"пежо". Ха-ха-ха! (*Хохочет.*)

Алек. Плевать! Мне наплевать, что там было двести лет назад!..

Гера. Ты прав, я тоже ненавижу большой город. Куча людей, куча бездельников; дома загораживают небо; небо какое-то неживое, так низко над землей, вздыхает тяжело, того и гляди, испустит дух и рухнет мне на голову...

Алек. ...Почему какие-то фраера могут кататься на шикарных тачках, а я должен изо дня в день охотиться...

Гера. ...Этот сумасшедший город; улицы, словно намазанные медом, – отчего на них столько народу? А машин? Ведь не проехать, не пройти. Когда бы я ни приехал в большой город, всегда одно и то же – заторы, пробки, ДТП...

Алек. ...Кто скажет, отчего они поступают так, а я должен делать иначе? Почему они пируют, жируют, а я только и делаю, что охочусь... на Немую?..

Гера (*с расстановкой, строго*). Миссия у тебя такая, приятель. Погоня. От нее ты вряд ли отвертись. В отличие от них – ведь им лишь бы яйца насиживать в их кондовых авто. Да они тебе в подметки не годятся! У них нет и никогда не будет того, что есть у тебя, – погони!.. (*Пауза.*) А Немая... Немая женщина – твой крест, понял?.. И мой тоже.

Алек (*кричит воображаемым прохожим*). Да кто им дал право вертеть моей судьбой, как кому втемяшится в голову?! Кто этот лихой чувак?!

Гера. Заткнись! Все, довольно истерик и нытья. Сыт по горло твоими причитаниями. Пойди, глянь лучше, длинный там хвост? Долго нам еще здесь торчать?

Алек (*с опаской*). Куда еще идти, зачем?

Гера (*пренебрежительно*). Да ты что, трусишь? Тебя аж трясет всего, тьфу! Эх, не вовремя твой птахоплан подкачал! Сейчас бы взлетели спокойненько над этими понтовыми улицами – и только б нас и видели! Что ж твои крылья такие хлипкие? Такие падучие!

Алек (*огрызаясь*). Нечего мои крылья с грязью смешивать! И вообще, это тебе положено крылья иметь, а не мне. Ты ж у нас человек-погоня... А я – человек-уши.

Гера. Всего-то? Ты – человек-ухо? Кто тебе такой бред сказал? Ты – человек-погоня. Мы оба человеки-погони!.. (*Усмехается.*) С крыльями и без.

Алек (*снова отрешенно, потерянно*). Здесь столько машин. Громадные, роскошные – "мерседесы", "кадиллаки", "лексусы"... (*Начинает заговариваться.*) Вот бы мне сейчас крылья, я бы над городом, мне бы крылья, вот бы я полетел... Не в добрый час я ангелом перестал быть.

Гера. Ну вот, снова, что ли, заладил? По новому кругу? Пока ты будешь тут труситься и прогибаться перед чужой удачей и роскошью, Немая уйдет от нас. Оторвется так, что мы ее никогда не догоним.

Алек (*вторит рассеянно*). Мы ее никогда не догоним.

Гера. Тьфу, не каркай! Быстро ноги в руки – и вперед, в начало колонны! Выполняй приказ! Через десять минут доложить! (*Толкает его в плечо.*)

Алек. Да пошел ты!.. Ну и пойду, черт с тобой. (*Спрыгивает с мотовездехода. Снова озирает город ошалелым, замороженным взглядом.*) Этот город просто невыносим... Но как же он потрясающе красив! (*Уходит, скрывается за правыми задними кулисами.*)

Гера. Сходи, сходи, разомнись. А заодно припугни этих лощеных дятлов. Глядишь, с перепугу начнут быстрее шевелиться; быстрее из этой пробки чертовой выберемся. (*Пауза.*) А я пока прилягу. (*Устраивается поудобней в диване-мотовездеходе, кладет ноги на капот.*) На солнышке оттянусь. Надо ж, здесь еще и солнце бывает. Вон какое сегодня солнце – на славу! Будто не осеннее вовсе. На таком солнце хорошо не только батарейки заряжать, а вообще. Пикничок там соорудить, шашлычки пожарить, деток на природу вывезти, мяч с детьми погонять... Да, с детьми. Только где их, детей-то, теперь возьмешь... (*Пауза.*) Хм, помню, и день примерно такой, как сейчас, стоял. И солнце такое же было клевое – распахнутое настезь, кроткое, готовое поделиться с нами последним теплом. У мамы с утра хорошее настроение

было. Солнце потому что стояло супер, поэтому и настроение ништяк... Она собрала какие-то бутылочки, сверточки, одеда, укутала меня – я тогда был еще совсем карапуз, – и мы пошли в горы. Тропинка круто лезла в гору, я упрямо – за ней. Помню, мой первый подъем давался мне с трудом; я несколько раз упал, зашиб коленку о камень, но от мамки старался не отставать. Зато когда мы поднялись – нет, не на вершину, до вершины еще нужно было переть и переть; не всякому взрослому мужику удавалось с первого разу взять ту вершину... *(Пауза.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.